Малышкин Евгений Витальевич

ЛЕЙБНИЦЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОРЕВНУЮЩИХСЯ МИРОВ: ПАМЯТЬ О БЛАГОМ ПРИЗВАНИИ

Статья посвящена доказательству того тезиса, что лейбницевскую концепцию соревнующихся миров следует интерпретировать в терминах контингентности. Показывается, какую роль в этой концепции играет понятие существования и разбираются сложности понимания этого понятия в общем метафизическом проекте Лейбница.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 151-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.3

Статья посвящена доказательству того тезиса, что лейбницевскую концепцию соревнующихся миров следует интерпретировать в терминах контингентности. Показывается, какую роль в этой концепции играет понятие существования и разбираются сложности понимания этого понятия в общем метафизическом проекте Лейбница.

Ключевые слова и фразы: концепция соревнующихся миров; виртуальное бытие; существование как благодать.

Евгений Витальевич Малышкин, к. филос. н., доцент
Кафедра истории философии
Санкт-Петербургский государственный университет
malyshkin@yandex.ru

ЛЕЙБНИЦЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОРЕВНУЮЩИХСЯ МИРОВ: ПАМЯТЬ О БЛАГОМ ПРИЗВАНИИ©

Мышление есть счет, утверждает Гоббс. Всякое мышление, в том числе и божественное, считает, вторит ему, Лейбниц. Для демонстрации того, что есть исполненный счет, Лейбниц придумывает такой элемент как виртуальное бытие миров: Бог, коль скоро отличен от человека «лишь по степени, но не по качеству», творит мир не разом, но предварительно обдумав, какой именно мир ему сотворить. Обдумывая, Бог руководствуется теми самыми идеями, которые и мы находим в мышлении как «врожденные», как те самые «прожилки» или просветы реального. За эту идею, вроде бы ослабляющую позицию Бога, который вынужден как следует подумать, прежде чем что-то сделать, и не делать, пока обдумывает, Шеллинг и критикует Лейбница, упрекая того в абстрактности понимания Бога: «Действуют не следствия всеобщих законов; всеобщий закон есть Бог, т.е. личность Бога, и все, что происходит, происходит посредством личности Бога, не в силу абстрактной необходимости, которую не вынесли бы в своем действовании мы, не говоря уже о том, что ее не вынес бы Бог» [2, с. 141]. И далее: «…представление о совещании Бога с самим собой или о выборе между несколькими возможными мирами остается неосновательным и несостоятельным» [Там же]. Не совсем ясно, что имеет в виду Шеллинг под абстракцией, ведь понятие тождества есть тождество Бога, то есть индивидуальности в собственном смысле, потому счет как приведение к тождеству есть выражение самого бога, а не неких врожденных идей. Основной упрек Шеллинга сводится к тому, что Лейбниц, хотя и приписывает Богу моральную, а не «геометрическую» необходимость, делает это непоследовательно, поскольку геометричность выхолащивает творение, делает его «безжизненным и безличным» [Там же]. Эта «геометричность» Лейбницем понимается как метафизическая необходимость, о которой мы не можем со всей строгостью утверждать, знаем мы ее или нет. Потому Лейбница нельзя упрекнуть в причастности к абстрактности, какую мы могли бы наблюдать (впрочем, не совсем справедливо) в математике как абстрактной науке, ведь, хотя считаем мы так же, как Бог, все же наш счет всегда конечен, а потому никогда не окончателен, в отличие от божественного. Напротив, обсуждаемый нами мнемонический проект, универсальная характеристика, не только, по замыслу Лейбница, возможен, благодаря исполненности божественного счета, но, будучи направлен на постижение полноты сочетания всего во всем (но не всего со всем, ведь какие-то вещи могут быть и не сочетаемы), и призван к созерцанию божественного блага и божественного выбора, необходимых именно в силу их уникальности. Сам же выбор происходит не по необходимости, а по контингентности, природу которой нам сейчас и хотелось бы прояснить, коль скоро и универсальная характеристика призвана прояснять именно природу контингентных истин. Но прежде нужно вернуться еще раз к тому, в каком смысле бытие задуманного, но не осуществленного, виртуально.

Как понимать виртуальность в разговоре о творении? Должны ли мы ее понимать как добродетель, как воинскую добродетель по преимуществу? Доблесть, сообразно которой миры сражаются друг с другом за существование? Действительно, виртуальное у Лейбница значит находящееся в преимущественном отношении, одерживающее верх, всегда относительно превосходное. Благо виртуального мира есть отношение, в том смысле, в каком Аристотель говорит о благе, что оно есть не само по себе, но подобно отростку (EN 1096a 20). От такого истолкования нас должно удерживать то соображение, что, поскольку созерцаемые божественным счетом миры не есть в полном смысле, а есть только в отношении друг к другу согласно критерию предпочтения, постольку добродетель мира принадлежит не ему самому, а выбору, ведь должен быть кто-то, кто изберет к бытию мир, превосходящий все другие. Само же превосходство считаемо. Потому мы не будем неправы, если лейбницеву виртуальность будем понимать в духе нашего цифрового века, как удобство и простоту счета разнообразных возможностей. Верно ли мы поймем Лейбница, если скажем, что тайна творения есть торжество счёта? Другими словами, следуя за упреком Шеллинга, мы должны переспросить себя, толкующих виртуальное бытие созерцаемых миров: является ли полнота счета, если нам все же удастся (предположим невозможное) проследить его до последних оснований, демонстрацией свободной воли, или же благая воля есть нечто отличное от счета?

На страницах периодического издания *Studia Leibnitiana* развернулась обширная дискуссия по поводу того, что принято обозначать как лейбницеву теорию *Daseinstreben* (теория соревнующихся миров). Дискуссия

© Малышкин Е. В., 2011

интересна и многопланова, в нее вовлечено множество исследователей, и пересказать ее всю не позволяют границы данной работы. Отчасти она резюмирована в статье Дэвида Блюменфельда «Лейбницева теория соревнующихся возможностей» [3], на которую мы и будем опираться. Блюменфельд указывает, что теория Лейбница может быть изложена в следующих тезисах:

1. Всякая возможная вещь наделена стремлением к существованию.

2. Это стремление пропорционально степени ее совершенства.

3. Возможности соревнуются друг с другом, объединяясь с максимально возможным количеством других сущностей.

4. Существует уникальный ряд совозможных сущностей, который превосходит все остальные ряды по степени совершенства, и в нем натиск в борьбе за существование максимален.

5. Наиболее совершенный ряд (т.е. наилучший из возможных миров) с необходимостью побеждает в борьбе за существование.

6. Если бы вещи не содержали этого внутреннего стремления и не вели себя описанным образом, мир не был бы сотворен.

Каждый из тезисов можно подтвердить цитатами из Лейбницевских работ. Здесь мы должны отметить, что четвертый тезис не является необходимым: можно предположить, что могущество быть у двух различных миров может быть равным, при том что отличаться они будут не только нумерически, но и качественно, следовательно, творение с самого начала не необходимо, а лишь возможно. Не-необходимость творения демонстрируется и шестым тезисом, хотя обе эти демонстрации отрицательны. Поскольку они отрицательны, невозможно классифицировать не-необходимость ни как контингентность (поскольку на основании только этих двух тезисов мы не видим, почему победоносная возможность всё-таки есть), ни как окказиональность, если под последней понимать невозможность усмотреть основание для случившегося. В лейбницевской теории соревнующихся миров само творение остается тайной, присущей природе Бога. Что она призвана прояснить и на что обращает наше внимание — так это на устремленность к существованию. *Potentia* здесь истолковывается как могущество, а существование — как приз, награда. Это истолкование настолько полное, что мы должны Лейбница переспросить: сам ли мир получает свою награду, или же Бог совершает дополнительное действие, призывающее вещь быть?

Возникает также вопрос, что именно борется за существование, сущности или миры: если всякое возможное сущее сражается за бытие в силу совозможности, то можно ли предполагать, что сущности сражаются сами с собой, поскольку они включены в различные серии? На этот вопрос, пожалуй, можно дать однозначный ответ: нет, сражаются не сущности, а миры, поскольку всякое сущее есть набор своих предикатов и в разных мирах «одно и то же» будет обладать разными предикатами. Следовательно, сущее есть лишь постольку, поскольку есть мир, но сущности все же не сводимы к определению мира, ведь они различаются также и по степени совершенства: люди лучше крокодилов, поскольку лучше понимают мир (и это еще один аргумент в пользу того, что сражаются все же не отдельные сущности, а миры, ведь если бы сражались сущности, существовали бы только люди, но не крокодилы). Существование сколь угодно совершенной конечной индивидуальной субстанции, таким образом, есть контингентность второго порядка: некто есть не потому, что он хорош, а потому, что таков состав мира, что допустимо бытие этой вот индивидуальной монады, тогда как существование мира, в свою очередь, контингентно.

Но вернемся к нашему вопросу о тайне творения: Бог наделяет наилучший из миров бытием, или же мир получает его сам, просто по условию соревнования? Получает ли победитель все, или же есть что-то, что победитель получает по милости, а не по условию, и торжество силы есть необходимое, но не достаточное основание? От ответа на этот вопрос будет зависеть и то, как мы должны понимать динамический универсум, выстраиваемый Лейбницем, и то, каковы этические экспликации такого понимания, коль скоро мы разумеем себя принадлежащими этому миру сцепленных могуществ. Или же: что значит обладать бытием? Есть сторонники и одного, и другого прочтения концепции соревнующихся миров [Ibidem, S. 166-167]. Сторонники той версии, что наилучший из возможных миров и есть автоматически существующий, руководствуются не только истолкованием виртуального бытия как бытия доблестного, побеждающего, но и определением существования как осуществившейся возможности, которое Лейбниц часто повторяет: «Все возможное требует существования, а потому [любое возможное] и существовало бы, если бы не препятствовало другое [возможное], которое также требует существования и несовместимо с первым» [1, с. 123]. Если мы буквально понимаем это определение, то кажется, что Лейбниц сам указывает на способ истолкования концепции соревнующихся миров. Рассел даже предполагает, что Лейбниц, хотя и осознает противоречие между двумя эти концепциями, теорией соревнующихся миров, с одной стороны, и тезисом о свободной воле Бога, с другой, намеренно выражается двусмысленно, чтобы не быть обвиненным в спинозизме, более ясно позволяя себе высказываться лишь в так называемых эзотерических своих сочинениях, где он занимает совершенно спинозистскую позицию.

Лейбниц говорит об этих двух теориях зачастую на одной странице, как если бы между ними и не было никакого противоречия. По всей видимости, дело в самом определении существования: с одной стороны, Лейбниц часто определяет существующее как совозможное, с другой, сама возможность, или наибольшее могущество, заключенное в наисовершеннейшем мире, должно быть определено как приведенное к тождеству. Но тождество, как мы уже отмечали, не дано нам неким само собой разумеющимся образом. Потому Лейбниц часто говорит, что существующее мы не можем определить так, чтобы у нас появилось ясное его понятие [3, S. 325].

Если мы отказываемся от однозначной дефиниции существующего, значит ли это, что мы устраняем и сам вопрос о противоречии между теориями? Но ведь это означало бы отказ собственно от понимания бытия наилучшего, то есть от философии, коль скоро философия есть множественность способов указания на наилучшее.

Здесь нам может помочь уточнение понятия совершенства. Вопрос стоит следующим образом: как совершенный мир становится совершённым? Совершенный по отношению к миру значит внутренне согласованный, но только возможный, совершённый — существующий. Сама возможность есть совершенство, которое «вправе требовать» для себя существования. Однако существование является достаточным основанием для вообще всякой возможности. И поскольку полнотой совершенства обладает только Бог, постольку ни один из возможных миров не совершенен в превосходной степени, так же и всякий совершённый мир не есть Бог (это указание на неполноту всякого возможного/существующего мира принято называть принципом ограниченности). И поскольку ни один из возможных миров не лишен ограничений, то нет и основания для того, чтобы интерпретировать необходимость в пятом тезисе как необходимость метафизическую, напротив, мы должны понимать ее как необходимость только моральную, сообразно которой противоположный тезис не заключает в себе противоречия, следовательно, есть возможность, чтобы наиболее совершенный мир все же не был совершён, то есть в пятом тезисе «необходимость» следует заменить на контингентность. Напротив, из четвертого тезиса, вкупе с принципом ограниченности, следует, что ни один из совершенных миров не существует с необходимостью, ведь если наиболее совершенный из возможных миров не обладает достаточным «натиском», то же нужно утверждать и про все остальные. Итак, хотя совершенство все же логически связано со стремлением к бытию, то есть бороться за существование значит проявлять совершенство, все же существование есть не победа, но благодать. Итак, в существовании вещи нет ничего, чего уже не содержалось бы в ее сущности, за исключением благодати, то есть собственно существования.

Список литературы

1. **Лейбниц Г. В.** Абсолютно первые истины // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. III.
2. **Шеллинг Ф. В. Й.** Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 2.
3. **Blumenfeld D.** Leibniz's Theory of the Striving Possibles // Studia Lebniziana. 1973. Jahrgang V. S. 163–177.
4. **Grua G.** G. W. Leibniz: Textes Inédits: 2 vols. Paris, 1953.

LEIBNIZ'S CONCEPTION OF COMPETING WORLDS: MEMORY ABOUT GOOD CALLING

Evgenii Vital'evich Malyshkin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy History
St. Petersburg State University
malyshkin@yandex.ru

The author substantiates the thesis that Leibniz's conception of competing worlds should be interpreted in terms of contingency, shows the role of the notion "existence" in this conception, and considers the comprehension difficulties of this notion in Leibnitz's general metaphysical project.

Key words and phrases: conception of competing worlds; virtual existence; existence as God's grace.

УДК 93

В статье рассматривается трансформация концепции ядерного сдерживания в российско-американских отношениях в постсоветский период. Основное внимание автор уделяет факторам, обуславливающим необходимость сохранения и модификации концепции ядерного сдерживания в современных отношениях России и США.

Ключевые слова и фразы: российско-американские отношения; ядерное оружие; стратегическая стабильность; ядерный паритет; стратегические наступательные вооружения.

Ольга Александровна Позднякова
Кафедра современной отечественной истории
Иркутский государственный университет
o.pozdnyakova@list.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД©

Динамика современных российско-американских отношений уже не задает настроение международного сообщества, не детерминирует состояние всеобщего миропорядка, биполярная система мироустройства безвозвратно ушла в прошлое. Однако частью истории стали лишь открытая конфронтационная модель

© Позднякова О. А., 2011